

С утра льёт дождь. Крупные капли барабанят по подоконникам и стекаются в одну грязную лужу, которую уже не в силах впитать в себя размоченная земля. Ольга Ивановна сидит один на один с завтраком и на автомате что-то жуёт. Это ожидание! Всё бы ничего, только не это беспомощное ничегонеделание. Эта вещь заполнила всю её квартиру, всегда такую уютную и такую родную, чем-то невыносимо чужим. Пришелец спрятан, но всё равно будто высылает из шкафа свои зазывные сигналы. Ольга Ивановна уже не одна в своей квартире. И это действует ей на нервы.

– Да пропади ты пропадом, – недовольно проворчит она и посмотрит на часы. Всего лишь начало одиннадцатого, в это время она обычно ещё лежит и читает. Но разве сейчас ей до чтения? С этой-то вещью в шкафу? Кусок хлеба ей не лезет в горло. Во рту всё пересохло. Как только доест, пойдёт как следует помоемся: и под ногтями она всё ещё чувствует вьвшуюся грязь. Всё этот Михалыч.... Да как он мог на неё вот так набросится? Дурак! Перепугать до смерти – вот это по его части...

Она высушит волосы, включит одну из ежедневных телепрограмм и в халате наблюдает за мелькающими картинками. Телевизор играет, за окном конец света. Нет, так нельзя! Она должна хотя бы посмотреть на эту вещь. Если уж она у неё дома! Пусть знает, с чем связалась. Или всё-таки лучше... Она бросит беглый взгляд на шкаф, будто бы свёрток мог застичь её врасплох с её мыслями. Иметь дома драгоценность за триста тысяч, кому так посчастливится? Когда всё это закончится, она обо всём расскажет Маше. А Маша её и спросит, а что это собственно было? И что она ей ответит? Что посмотреть не осмелилась? Так и видит насмешливое Машино выражение лица: «Боялась, что тебя при этом кто-то застучает?»

Она подойдёт к шкафу. Что она, трусиха какая-то что ли? Нагнётся к одной из полок. «Не смейся народ», – так и слышит она Машу. Засунет руку в стопку сложенных носков и вытащит моток. Нет, не трусиха! Она осторожно положит его на стол, затем вернётся, чтобы закрыть дверь от шкафа. Не трусиха! Подходя к столу, она ещё немного медлит. Если бы сейчас к ней кто-нибудь пришёл, ну к примеру полиция, как бы она это объяснила? Она стоит над этой вещью, внимательно её осматривая, всё ещё с безопасного расстояния. При дневном свете ткань оказывается голубого цвета, это потёртый бархат, перевязанный шнурком от ботинок, в этом Ольга Ивановна уверена.

Тикание часов отмеряет каждую впустую потраченную секунду. Пока у неё ещё достаточно времени на то, чтобы посмотреть и затем снова завернуть это так, чтобы Михалыч ничего не заподозрил. Она потихоньку разматывает шнурок и торжественно положит его на стол. Ткань подобно бутону раскроется сама, и перед Ольгой Ивановной на столе лежит брошь в форме павлина. Усыпанная бриллиантами. Бриллианты на каждом пёрышке на хвосте, тело – из белого золота. «Белый павлин», – усмехнётся Ольга Ивановна.

* * *

«Он ничего не заподозрит», – удостоверяется она, когда павлин уже вновь спрятан на своё место. Она лишь позволила себе взять его в руки, провести пальцем по гранёным камням, потом попробовала приложить его к груди... Чтобы узнать, что чувствует человек, который носит такую бесценность. Был тяжёлый, а игла такая острая, будто кто-то её только что изготовил.

Михалыч здесь должен быть каждую минуту! Она беспокойно меряет комнату шагами: мимо телевизора, лампы, поворот к дивану, и опять всё сначала. Непрестанное тикание действует ей на нервы. «Спокойствие, только спокойствие», – повторяет она сама себе. Затем стрелка часов передвинется, и Ольга Ивановна застынет на месте. А что, если с ним что-то случилось? Ведь говорил в половину. Или без пятнадцати? Да нет, точно в половину. Разве что всё-таки пошёл в полицию? Ну тогда бы хоть сообщил как-то! И что теперь?? Ольга Ивановна готова расплакаться. С ним случилось что-то ужасное, добровольно бы он ей здесь павлина не оставил. Знает ведь всё-таки, сколько тот стоит. А что если его задержала полиция и сейчас уже идут и за ней? Как никак укрывала вещественное доказательство, так вроде это называется? Связалась с ним на свою голову! И что делать? На часах тридцать пять минут. Надо от этого избавиться! Сейчас же! Она сама это передаст той женщине. Если Михалыч по несчастной случайности опоздал, то он её найдёт, а она ему отдаст деньги. Ольга Ивановна сядет на стул. Дышать глубже! Только спокойствие! Она туда пойдёт, и всё тут.

Только в коридоре до неё дойдёт: «Господи, я же его там оставила!» Она вернётся, налетит на горшок с цветком, затем пулей к шкафу и обратно. Главное живо, времени мало! До фабрики быстрым шагом двадцать минут. Ага, легко сказать: быстрым шагом. Мокрое земляное месиво скользит под ногами, по разгорячённой от напряжения спине Ольги Ивановны текут ручейки пота. Торопясь и то и дело оглядываясь, она оставляет позади овощной рынок, но никак не может избавиться от чувства, что кто-то её преследует. Улица однако почти пуста: навстречу ей попадаются лишь мамы, волокущие домой полные сумки с продуктами, да пенсионеры, прогуливающие своих пуделей, дворняжек и самих себя. Стрелки часов показывают без пяти четыре.

Нет, ей не успеть, у неё вот-вот сердце из груди выпрыгнет! На обзоре уже видны трубы заброшенной фабрики, но до цели ещё далеко. Сейчас пройти до самого конца по улице Товарной, что простирается к реке. Мрачные дома с разбитыми окнами наводят на неё страх, она продолжает оглядываться, а тут ещё опять начнёт моросить. На тротуаре валяются кучи ненужного барахла: кто-то приволок его сюда из безлюдных квартир. Ольга Ивановна маневрирует между грудями этого старья, до пункта назначения уже рукой подать. Вот и железные ворота! Но у них никого нет.

Вроде уж и пришла поздно, а всё равно никто здесь её не ждёт! Ольга Ивановна тихонько выругается и на минутку остановится. Мокрые волосы липнут ей к лицу, ей холодно. Кто-то тут кого-то водит за нос! Или... Может, на фабрику ведёт ещё какой-нибудь вход? Задние ворота для заводского транспорта? Точно! Надо идти вдоль забора и найти их!

За углом что-то промелькнёт. Это не мираж! Это зонт. Та дамочка у них перед домом! Переминается с ноги на ногу для согрева и недоверчиво наблюдает за приближающейся фигурой Ольги Ивановны.

– Это вы? – спросит она с неприкрытым удивлением и одновременно огорчением. – А что вы здесь делаете?

– Борис не мог прийти, я вместо него вам это принесла.

– А почему я должна вам верить?

– Сейчас... – Ольга Ивановна засунет руку в маленький внутренний карман пальто и достанет небольшой свёрток.

Как вдруг это и произойдёт.

– Ничего ей не давайте! Это моё! – от испуга у Ольги Ивановны подкашиваются ноги: перед двумя побледневшими женщинами стоит Сергей, сын старика Петровича. – Это принадлежит мне, это уже давно не её! – рявкнет он и метнётся к Ольге Ивановне. Она увернётся, так что Сергей чуть не потеряет равновесие.

– Эта брошь моя, только попробуйте до её дотронуться! – вдруг опомнится дамочка, закроет зонт и пытается им ударить Сергея. Но тот оказывается проворней: он хватает её за горло так, что дамочку перекосит от боли.

– Сейчас же мне её дай, иначе я её убью! – зашипит он на Ольгу Ивановну. Женщина уже без зонта пытается вырваться, но Сергей держит её мёртвой хваткой. – Я должен был догадаться, что ты с Михалычем заодно и что деньги между собой поделить хотите.

Ольга Ивановна стоит в оцепенении, переводя затуманенный взгляд то с сына Петровича на дамочку, то обратно. Так вот что он о ней думает? Что она на смерти его отца хотела нажиться?! Такого порядочного из себя делал, а тут перед ней взбешённый, озлобленный человек с ненавистью в глазах. Настоящий преступник!

– Ну же! Давай это сюда! – проворчит ей изменившийся до неузнаваемости сын Петровича.

Ольга Ивановна лихорадочно прокручивает в голове варианты действий. Если даст стрекача, то далеко ей не убежать. Этот ненормальный её догонит, а там уж ей мало не покажется. Ну а если она ему отдаст брошь, то считай обе могут с жизнью проститься...

– Так ты её возьми, Серёжа! «Ах ты, гадёныш...» На секунду она демонстративно раскроет ладонь и одним резким движением выкинет свёрток далеко за ворота. Из её горла вырвется истерический смех. Она не может остановиться.

Как в сонном мареве она видит опускающуюся на землю женщину. Карабкающего по воротам на другую сторону сына Петровича. И капли. Повсюду капли.

* * *

Кто-то ведёт Ольгу Ивановну к машине. Жена бизнесмена рыдает и всё показывает в одном и том же направлении:

– Я вас прошу, найдите её. Я без неё дома не могу показаться, это память о матери мужа. Не могу я!..

Её сядут на заднее сиденье рядом с Ольгой Ивановной. Седой усач обращается к ней тихим голосом, в то время как на улице мелькают люди в форме. Одним щелчком они перерезают цепь на воротах и растворяются на территории фабрики.

– Вы в порядке?

Ольга Ивановна закрывает глаза.

– Вот одеяло, закутайтесь в него.